
Е. Л. СКВОРЦОВА, А. Л. ЛУЦКИЙ

О СРЕДИННОМ УРОВНЕ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ И ЯПОНИИ

Статья посвящена истории и актуальным фактам развития срединного уровня культуры в России и Японии. У этого понятия есть два основных смысла. Первый – культура как мост между высокими сакральными ценностями и смыслами христианства, с одной стороны, и уровнем бескультурия: дикости, хамства, душевной лени, распущенности – с другой. Государство, заинтересованное в самосохранении, должно прилагать систематические усилия для воспитания не просто конкурентоспособной личности, а человека своей культуры. Второй смысл касается срединного воплощения самой культуры, которая имеет разные уровни бытования: от образцов высокого искусства (классическая музыка, живопись, архитектура, литература) до примитивных форм поп-музыки, телевизионного и киноширпотреба, комиксов и т. п.

Если обратиться к культуре Японии, то выяснится следующее обстоятельство. Специфика японской культуры такова, что в ней действует стройная система внутренней социальной саморегуляции. Установка на гармонию разных элементов в культуре существовала в Японии еще в VII в. В этом контексте человек рассматривался не как абстрактный человек вообще, а как индивидуум, занимающий ту или иную позицию в рамках социокультурной иерархии. Этика конфуцианства, прививавшаяся с детства, предполагала для каждого «виртуальный корсет» таких человеческих качеств, которые способствовали поддержанию социокультурного порядка в государстве и в то же время формировали человека японской культуры. Данные качества, ценные только в своей совокупности, служили основанием «внутреннего человека» и условием крепости срединного уровня культуры японского общества.

Авторы приходят к выводу, что без достижения и повсеместного распространения достаточно высокого срединного уровня культуры населения России вряд ли дальнейшее развитие нашего общества будет успешным.

Ключевые слова: срединный уровень культуры, японская культура, русская культура, социальная саморегуляция, конфуцианская этика, буддизм.

*Историческая психология и социология истории 1/2022 181–198
DOI: 10.30884/ipsi/2022.01.10*

За прошедшее столетие Россия пережила не один мировоззренческий кризис: революция 1905 г., Февральская и Октябрьская революции 1917 г., разоблачение культа личности Сталина в 1960-х гг. и либерально-капиталистический переворот 1991 г. В нашей стране и сегодня присутствуют новые кризисные явления, которые могут привести к роковому концу. Абсолютизм, парламентаризм, большевизм, коммунизм, атеизм, либерализм – какой из этих «измов» поможет обществу достичь идеала? Однако все ли дело в выборе рационально обоснованного «правильного» экономического и политического курса, очередного «изма»? На наш взгляд, причину российской неустойчивости к ветрам перемен следует искать глубже, в недрах культуры.

Подчеркнем, что культура не наследуется генетически; она является, по словам крупного этнолога-японоведа С. А. Арутюнова, ссылающегося на работы Э. С. Маркаряна, «внебиологически выработанным и передаваемым способом человеческой деятельности» (Арутюнов 2012: 43). Каждое вступающее в жизнь поколение обязано обретать знание культуры у предыдущих поколений. Так что же в коде нашей великой культуры следовало бы подкорректировать, чтобы не растерять высочайшие достижения российской цивилизации на очередном крутом повороте истории, а наоборот, укрепить и приумножить их?

В 1917 г. В. В. Розанов утверждал: «Русь слиняла вся в два дня. Самое большее – в три» (Розанов 2000: 6). Почти так же быстро «слинял» и СССР. Мы фактически умираем от неуважения к себе, – так Розанов обозначил одну из главных причин неустойчивости российской культуры. С другой стороны, более ста лет назад Н. А. Бердяев замечал: беда России состоит в том, что «дробные и частичные элементы человека предъявляют права не только на автономию, но и на верховное значение в жизни» (Бердяев 1934). То есть беда России в игнорировании Целого как Высшей Истины (целомудрие) и следование интересам Целого на практике, а также преобладание «целостного человека», носителя не одного только положительного качества – знания, патриотизма, профессионализма, верности долгу и т. п., – а всей их совокупности.

Еще одна причина неуважения к своей стране, на которую указал другой общественный деятель и философ, П. Б. Струве, порож-

дена предательской сущностью интеллигенции (Струве 1909). Ее идейной платформой было отщепенство, представляющее собой сочетание антигосударственности с атеизмом. Последнее, заметим, свойственно и нынешним радикальным либералам, ведущим против России и ее культуры беспощадную информационную войну. Для победы над Россией используются любые средства.

Особые усилия направлены на воспитание и «образование» нашей молодежи – точнее, на работу по отчуждению молодежи от отечественной культуры. С этой целью подчеркивается якобы ничтожность и отсталость русской культуры от европейской. Эта деятельность ведется не только нашими либералами и их зарубежными «партнерами», но и, к сожалению, некоторыми нашими государственными организациями, систематически уничтожающими остатки когда-то эффективного научного образования.

Сегодня стоит задача формирования культурного патриотизма, в связи с чем необходимо срочное решение следующих проблем:

– отчужденность массы народа, прежде всего молодежи, от высоких образцов российской культуры (литературы, музыки, живописи, архитектуры, философии); незнание имен своих великих соотечественников;

– незнание основ христианства и, в частности, православия – сердцевины нашей культуры, что приводит к непониманию значимости высоких образцов отечественной культуры в контексте мирового культурного развития;

– пренебрежительное и даже варварское отношение к родному языку, демонстрируемое как в письменном языке – в печатной продукции, так и в устной речи, транслируемой по радио и телевидению, что ведет к росту общей безграмотности, а злоупотребление в повседневной «уличной» речи нецензурной бранью делает невозможным нормальный диалог в быту;

– повышенная раздражительность, эмоциональная неустойчивость людей, их неспособность к остановке эмоциональных качелей, к тому, чтобы сосредоточить внимание на чем-либо определенном; все это препятствует установлению в обществе цивилизованных норм общения и поведения;

– недостаточная взаимопомощь, слабая консолидированность друг с другом, из-за чего мы практически перестали помогать своим ближним;

– в теоретическом плане одной из важнейших является проблема части и Целого. Нельзя, как утверждал Н. А. Бердяев, принимать часть за Целое. Это касается и целостности истории нашего народа, все этапы которой следует учитывать и признавать. Ничего нельзя замалчивать или вообще выбрасывать. Все этапы исторического пути нашего Отечества есть этапы развития его живого организма, а пути решения стоявших перед нашим народом задач, которые были воплощением тех или иных идеалов, должны приниматься как необходимые и полезные уроки на будущее.

В настоящее время очередным ложным идеалом – частью, принимаемой за Целое – стало денежное накопительство, что абсолютно недопустимо; наиболее актуальной как с практической, так и с теоретической точки зрения является, в конечном счете, проблема социального идеала. Следует понять, к чему стремится сегодняшнее российское общество, какое государство мы строим и что будет с нами хотя бы через сто лет. Для нас невозможен голливудский идеал – образец красивой потребительской жизни. Нашему народу чуждо западное мироустройство, как и мы – чужие для западного общества.

Яркое подтверждение тому – судьба известного философа-логика А. А. Зиновьева. Эмигрировав на Запад, он имел там все условия для успешной академической карьеры, и все-таки вернулся в Россию. В книге «Исповедь отщепенца» он говорит, что вернулся на родину из-за «космического одиночества» и «снижения интеллектуального уровня общения» (Зиновьев 2008).

Все вышеперечисленные проблемы имеют для нашей страны жизненно важное значение. Мы должны знать, что именно будем защищать, когда словесное и ментальное противостояние с нашими «партнерами» по планете перерастет в настоящий обмен физическими ударами. В связи с этим большое значение приобретает тема *срединного уровня культуры*. У этого понятия есть два основных смысла.

Первый – культура как мост между высокими сакральными ценностями и смыслами христианства, с одной стороны, и уровнем

бескультурья: дикости (необразованность + невоспитанность), хамства, душевной лени, распущенности – с другой. Учитывая тот факт, что культура генетически не наследуется, государство, заинтересованное в самосохранении, должно прилагать систематические усилия для воспитания не просто конкурентоспособной личности, а человека своей культуры.

Второй смысл касается срединного воплощения самой культуры, которая имеет разные уровни бытования: от образцов высокого искусства (классическая музыка, живопись, архитектура, литература) до примитивных форм поп-музыки, телевизионного и кинематографического ширпотреба, комиксов, инсталляций постмодернизма, хэппенинга, акционизма и т. п. Она может оцениваться как по этическим (трудовая этика, этика семейных отношений, этика словесного и физического взаимодействия в социальной среде, этика отношения к природе), так и по эстетическим (узнаваемые образцы музыкальной, живописной, танцевальной, песенной культуры, уровень чистоты и ухоженности среды обитания, уместность одежды и т. п.) параметрам.

Эта тема возникала в отечественной мысли уже в начале XX в., после революции 1905 г., как бесценный урок для властей предрержащих, который ни в коем случае не должен повториться. Ведущие философы России того времени выступили со своими рекомендациями в нашумевшем в 1909 г. сборнике «Вехи». Именно тогда Н. А. Бердяев (1909) отметил слабость философской культуры радикальной русской интеллигенции, политизирующей западную философию, упрощая и «подгоняя» ее под собственные политические цели, а П. Б. Струве указывал на родимые пятна этой интеллигенции – ее антигосударственность (анархизм + социализм), атеизм, поверхностность знаний и преступное легкомыслие. Призывая народ к топору, она не учитывала внутренних качеств самого народа; его страстности, невыдержанности и безответственности даже к собственной судьбе (английский парламентаризм – для сравнения – готовил народ к участию в управлении страной 300 лет) (Струве 1909).

Еще разинщина и пугачевщина, по мнению Струве, в полной мере продемонстрировали качества, присущие народным массам, но радикальная интеллигенция видела зло исключительно в эконо-

мических и политических условиях жизни. Русская интеллигенция занималась идолопоклонством перед народом, чего на католической почве, к примеру, не было никогда. Н. А. Бердяев писал о «торжествующем хамстве», которое «отдает русскую культуру на погром и разграбление, выбрасывает за борт всю интеллигенцию, весь культурный слой» (Бердяев 1918). Философ видел в этом расплату за народопоклонство и нигилистическое отношение к культурным ценностям.

Вместе с «ненужным хламом культуры» на свалку истории было выброшено православие – этическая и эстетическая сердцевина русской культуры. Хотя русское православие дало образцы святости, оно не закалило русский народный характер, воспитывая дух смирения, но не дух созидательной активности и самодисциплины.

Между тем, по мнению Бердяева, в культуре есть ценности, которые несут на себе отблеск Божественного света и которые заслуживают почитания и бережного к себе отношения. На Западе религиозное воспитание было таково, что и после утраты веры и отпадения от христианства остался «крепкий осадок в форме норм цивилизации и культуры» (Бердяев 2006), которые фактически являлись секуляризированными религиозными добродетелями. Развивая идеи, высказанные им еще в 1909 г. в «Вехах», Бердяев в 1918 г. пишет, что в русском народе, у которого отсутствовал срединный уровень культуры, отказ от христианства повлек за собой падение всяких духовных основ жизни. Философ отмечал, что после октября 1917 г. русский человек, одержимый властью темных инстинктов, разрушил свои святыни. Глубинная же причина российских катастроф заключается в отсутствии срединной культуры, так и не сложившейся за столетия ее истории, утверждал философ (Он же 1918).

В 1990-е гг. в связи с очередным резким поворотом России, на этот раз в сторону либерального капитализма, проблема срединной культуры возникла вновь. Причину социальной неустойчивости отечественные ученые Б. С. Ерасов и Т. П. Григорьева тоже усматривали в отсутствии «срединного уровня» культуры (Ерасов 2002: 99–112; Григорьева 1986: 29–30). По словам Ерасова, «именно в рамках “срединной культуры” формируется устойчивый нравственный идеал, приемлемый для широких масс населения на дли-

тельный период времени. В ее рамках снимаются крайности ценностных ориентаций: аскетизм – гедонизм, покорность – воля, свое – чужое, священное – бессовестное, народное – антинародное, национальное – антинациональное, пролетарское – буржуазное и т. д. – и складываются устойчивый образ жизни, обеспечивающий умеренное благосостояние для широких слоев населения, доступные цели и средства реализации этих целей» (Ерасов 2002: 144). С ними солидаризировалась культуролог О. А. Жукова, которая видела причину срывов цивилизационного развития в нашей стране в разрыве между метафизическими и инструментальными (посюсторонними) ценностями, чей синтез, собственно, и составляет срединную культуру (Жукова 2017). В это время в России на первый план выдвигается низкая, так называемая массовая культура, о которой культуролог Б. С. Ерасов с болью констатировал, что все прежде ценное и осмысленное: мораль, человеческое достоинство, возвышенная вера, духовное спасение, красота, человеческие привязанности, долг, преданность – отныне предстает лишь как объект коммерциализации. Культура стала обслуживать инстинкты, потребности и наслаждения. По мнению Ерасова, такое состояние культуры играет деструктивную роль для всей жизни общества – вплоть до экономики, отмеченной ростом коррупционных скандалов.

А ведь еще знаменитый историк Э. Гиббон, фундаментально описавший крах Древнего Рима (Гиббон 2008), и создатель цивилизационной теории социолог А. Дж. Тойнби указали на наличие прямой связи между состоянием цивилизации, а также степенью и характером преступности и коррупции (Тойнби 2011).

В мультикультурных обществах, к которым принадлежит и наша страна, для поддержания порядка властям приходится содержать огромный аппарат государственного контроля, полицию и другие силовые ведомства, а также использовать видеонаблюдение. Но если обратиться к культуре Японии, то выяснится следующее обстоятельство. Специфика японской культуры такова, что в ней действует стройная система внутренней социальной саморегуляции. Она была сформирована на протяжении более чем двухвековой истории изоляции страны от внешнего мира¹.

¹ Начиная с середины XVI в. Япония пережила так называемый Христианский век, сопровождавшийся активным усвоением западных знаний. Но после этого

Правила и модели поведения здесь до сих пор регламентируются таким образом, что во всяком типовом случае (а вся наша жизнь – и личная, и общественная – состоит преимущественно из таких случаев) человек на телесном и речевом уровне следует модели спокойного выхода из конфликтных ситуаций: будь то решение денежных вопросов, служебные неприятности, проблемы взаимодействия с представителями госструктур, «разруливание» ДТП и др. Японец с детства учится тому, как еще на стадии возникновения сгладить назревающий конфликт при помощи клишированных схем поведения (навыка культуры) и тем самым не доводить его до уровня открытого противостояния.

Динамика события, его эмоциональная непредсказуемость и неуправляемость могут не дать времени на рациональную оценку своего и чужого поведения. И здесь на первый план выступают тщательно выверенные культурой стандартные формы (*ката*) речевого и телесного взаимодействия, являющегося результатом сформированного срединного уровня культуры.

Установка на гармонию разных элементов в культуре (что в социальной среде означает компромисс интересов) существовала в Японии еще в VII в. В этом контексте человек рассматривался не как абстрактный человек вообще, а как индивидуум, занимающий ту или иную позицию в рамках социокультурной иерархии. Чем более высокой была эта позиция, тем большими правами, уравновешенными большей ответственностью, обладал человек (Лунь юй 1972: 150).

Этика конфуцианства, прививавшаяся с детства (по книгам конфуцианских классиков ребенок изучал иероглифику и учился читать), предполагала для каждого «виртуальный корсет» таких человеческих качеств, которые способствовали поддержанию социокультурного порядка в государстве и в то же время формировали человека японской культуры. Данные качества, ценные только в своей совокупности, служили основанием «внутреннего человека» и условием крепости срединного уровня культуры японского общества. Рассмотрим их подробнее.

страна на два столетия оказалась закрытой для посещения иностранцами (Скворцова, Луцкий 2018: 101–118; Вохер 1967).

Гуманность-человеколюбие. Когда Конфуция спросили о том, что такое гуманность, он ответил, что это означает не делать другому того, чего не желал бы себе («золотое правило древности»). Образцом гуманности считался в Японии император Нинтоку (313–399), чье имя, собственно, означает «человеколюбие и моральность». Он имел обыкновение, поднявшись на холм, озирая окрестные поселения, дабы убедиться в том, что над очагами его подданных вьется дымок, и, следовательно, они лягут спать сытыми. На практике этот принцип означает: если можешь, с готовностью помоги, а не можешь – посочувствуй.

Долг-ответственность. От рождения до смерти японец существовал с сознанием своих многочисленных важных долгов: перед страной и императором; перед родителями, которые дали ему жизнь; перед учителями, которые ввели его в мир письменной культуры; перед начальством, которое обеспечило его работой, и т. д. (Кроме того, существует масса мелких долгов, за которые обязательно надо благодарить, ибо благодарность – свойство человека культуры.) Желание четко и ответственно исполнять свои социальные роли и стремление к наилучшему исполнению служебного долга присущи японцам в высшей степени. Чем больше долгов выплачивает человек, чем лучше исполняет свои обязанности, тем более ценен он для культуры.

Знание. Стыдно не стремиться к знаниям. Изначально знание означало главным образом знакомство с классическим наследием конфуцианства («Девятикнижием»). Каждый государственный чиновник был обязан твердо знать несколько конфуцианских книг наизусть, поскольку в них говорится о тех качествах человека и о тех отношениях между людьми, которые делают жизнь государства мирной и гармоничной. Впоследствии этот принцип приобрел более широкий смысл – знание своей и мировой культуры, твердое знание основ своей профессии, а в случае хобби (рыбалка, *икэбана*, *бонсай*, *оригами*², стихосложение и пр.) – и теории, и практики досуговых занятий. Знание может передаваться как в письменном виде, так и непосредственно – как телесный навык, передаваемый

² *Икэбана* – искусство составления букетов; *бонсай* – выращивание декоративных карликовых деревьев; *оригами* – искусство складывания фигурок из бумаги.

от учителя к ученику. Например, научиться живописи или каллиграфии можно только «вживую»; по Интернету, например, не получится. К тому же по Интернету нельзя научиться таким необходимым составляющим знания, как терпение, усидчивость, аскетизм, аккуратность, дисциплина.

Ритуал. Это очень объемное понятие, к которому подойдем вслед за Конфуцием через отрицание: «На то, что не соответствует ритуалу, нельзя смотреть; то, что не соответствует ритуалу, нельзя слушать; то, что не соответствует ритуалу, нельзя говорить; то, что не соответствует ритуалу, нельзя делать». Можно, таким образом, сделать вывод, что «ритуал» по значению приближается к понятию воспитанности, соответствию нормам культуры, цивилизованности, следованию правилам приличий. Отсюда понятна мысль Конфуция о том, что использование ритуала представляет особую ценность, так как приводит людей к согласию. Этому суждению китайского мудреца близки японские правила общения: вежливое, доброжелательное общение, облеченное в отшлифованные веками правила речевого и телесного поведения, которые способствуют скорейшему выходу из конфликтной ситуации, сглаживанию возникших недоразумений. То есть «ритуал» есть сложное синтетическое понятие, обозначающее этические и эстетические формы культуры, способствующие правильному течению бесформенных – ментальных и эмоциональных (духовных и душевных) – процессов.

Вера-доверие. Человеку культуры можно доверять, он предсказуем, и поэтому на него можно положиться и в малом, и в большом деле. Обещал – выполнил. Начал дело – закончил, несмотря ни на что. Сказал «приду к пяти» – без пяти пять на месте. Контролер такого человека – внутри него, его внутренний человек, который не допускает в себя грязь лживости, хитрости, интриги, грязь предательства. За таким человеком не надо следить, устанавливая на каждом углу или столбе телекамеры. В любой профессии востребован именно такой работник, в семье – такой супруг, отец, сын. А в стране – такой руководитель, чиновник или бизнесмен. Его внутренний человек не даст ему выводить из страны миллиарды. На доверии жить проще и гораздо дешевле.

И, наконец, *сыновняя почтительность* – очень важная синтетическая составляющая человеколюбия и долга-ответственности, часто выделяемая в отдельное качество. Дальневосточная культура любила и уважала старость. Вектор особого внимания был повернут не к очаровательному розовому бутузу, а к морщинам старости. Мы дышим, смотрим на прекрасный мир, говорим на родном языке благодаря им. Благодаря им у нас появились первые культурные навыки: чистить зубы, ходить на горшок, есть ложкой и вилкой, одеваться, здороваться. Повезло тем, чьими поводырями они стали в обретении навыка чтения серьезной литературы, слушания серьезной музыки, навыка профессии. Напомним, что навыки культуры (добрые, созидательные навыки) можно получить только непосредственно, «из рук в руки». Спасибо старикам за жизнь и пестование нашего детства («Чти отца твоего и мать твою, и продлятся годы твои»³). Списывать их в утиль преступно. Это что касается конфуцианства.

Теперь о другой духовной опоре японцев – буддизме. Здесь внимание к «внутреннему человеку» и разработанность этой темы еще скрупулезнее, хотя это кажется невозможным. Это путь постепенного возрастания внутреннего человека. Путь этот называется «срединным» (!), или царским⁴. Это постепенный путь избавления от избыточных страданий, источником которых является наше сознание, погрязшее в душевной распущенности: жажде чувственных наслаждений, привязанности к вещам, страстности (злоба, гнев, зависть, алчность, тщеславие). Он делится на три больших этапа.

Первый этап – мудрость. На этом этапе формируются правильные воззрения и правильные намерения. Правильное воззрение – это понимание пагубности эгоцентризма, видение взаимосвязи всего со всем в мире, видение себя как момента мирового континуума. Правильное намерение – не наносить вреда мировому Целому своим неосторожным действием.

Второй этап – нравственность. Формирование «добрых навыков» начинается с выполнения пяти запретов: «не лги», «не убий»,

³ Втор. 5:16.

⁴ Срединный путь (*Madhyama pratipad*); кит. и яп. 中道 (*тюдод*); к воздержанию от крайностей аскетизма и гедонизма призывает Будда в проповеди на Оленьей горе.

«не кради», «не прелюбодействуй», «не опьяняйся». Когда запреты становятся привычкой, начинается формирование положительных навыков: правильной речи, правильного поведения, правильного образа жизни. Каждый этап распадается на несколько ступеней. Например, правильная речь означает не только воздержание от грубой брани (увы, в сегодняшней России сквернословие стало привычным делом), но и воздержание от лжи, воздержание от речей, сеющих распри, воздержание от пустословия, болтовни (чем отличаются наше телевидение, радио, Интернет).

Правильное поведение подразумевает воздержание от убийства живых существ, от обмана и воровства, от прелюбодеяния и насилия. Правильный образ жизни подразумевает труд как основу жизни (кто не работает, тот не ест). Причем труд доброкачественный, не связанный с работоторговлей, проституцией, производством наркотиков, табака и алкоголя, оружия. Обязательно введение запрета на все, связанное с обманом и накоплением несправедливых богатств. Правильное направление мысли – постоянная бдительность и самоконтроль. «Я» и «мое» не должны быть главными и постоянными ценностями жизни.

Еще раз подчеркнем, что приведенные качества человека японской культуры предьявляются все вместе, «в пакете». Неустойчивость социокультурных оснований российской жизни во многом является проекцией недостаточно сформированного «внутреннего человека». То есть и достоинства, и недостатки преобладающего типа внутреннего человека отражаются и проявляются на практике не только в собственной жизни конкретного человека, но и в жизни всей страны. Способность выстоять и вытерпеть в минуту смертельной опасности, дать надлежащий отпор врагу, помочь «братишкам» в беде, пусть ценой невероятных усилий и напряжения сил и т. д., несомненно, являются прекрасными качествами нашего народа. Однако в мирное время они должны дополняться систематическим трудом, ответственностью перед семьей и работодателем, а у работодателя – ответственностью перед работником, и их обоих – перед государством; эти качества должны дополняться способностью доводить до конца начатое дело, сохранять в чистоте окружающую среду и многими другими качествами, кажушимися нам порой несущественными.

Именно благодаря этим «малым» качествам, реализованным в помыслах, словах и поступках большинства населения, послевоенная Япония добилась огромных успехов в экономическом и социальном развитии и сделала территорию своей страны эстетически привлекательной.

Япония не раз оказывалась перед непростым цивилизационным выбором. Особенно остро вопрос об этом встал в эпоху Мэйдзи (1868–1912) и после сокрушительного поражения во Второй мировой войне. И оба раза страна продемонстрировала способность к осуществлению эффективной инновационной стратегии и даже превратилась в одну из ведущих экономик мира. В чем же причина этого феномена?

В 1946 г. культурантрополог из США Рут Бенедикт, написавшая рекомендации для американской оккупационной армии в Японии, особо подчеркнула, что какие бы противоречия ни раздирали их общество, японцы никогда не разрушали своей культуры до основания. «Японцы <...> могут поднимать бунты против эксплуатации и несправедливости, не становясь при этом революционерами. Они не предлагают порвать ткань своего мира на куски и могут осуществить наиболее кардинальные перемены, как сделали это в эпоху Мэйдзи, не ставя под сомнение систему. Не будучи революционерами, они назвали это реставрацией, “погружением назад”, в прошлое» (Бенедикт 2007: 340). Напротив, древнейшие культурные формы (религиозные ритуалы, театральные, музыкальные и стихотворные формы, а также формы вежливости) являются активным подспорьем, духовным и эмоциональным основанием для инноваций.

Для России роковым оказалось восприятие марксистского учения о существовании в классовом обществе двух культур: культуры эксплуататоров и культуры эксплуатируемых (так называемой теории двух культур). Первая, будучи «надстройкой» над капиталистическим экономическим «базисом», была обречена на слом вслед за породившими ее производственными отношениями. Трагические последствия реализации данной теории не поддаются измерению. В первую очередь отверженной стала Православная церковь (да и другие религиозные конфессии) – сердцевина моральной и эстетической жизни подавляющего большинства населения. Тра-

диционные праздники и ярмарки, крестьянская культура – агрикультура и рукоделие, посиделки с песнями как форма традиционного досуга – канули в Лету в результате коллективизации, раскулачивания и индустриализации. Огромные массы людей оказались выбитыми из привычной среды обитания и лишенными этических норм поведения («морально то, что полезно для диктатуры пролетариата», «грабь награбленное!») и эстетического измерения жизни.

В Японии же правильное видение целостности культуры позволило ее жителям, затянутым в виртуальный корсет качеств, требуемых для цивилизованной жизни, регенерировать и развить свою экономику, успешно выйти на мировой рынок. Причем не только с высокотехнологичной промышленной продукцией, но и с продукцией многих сегментов своей культуры: театральной, кинематографической, кулинарной, парфюмерно-косметической, дизайнерской (мода, садово-парковое конструирование), а в последние десятилетия – распространением *манги* и *аниме*.

Япония демонстрирует всему миру, что культуру можно надстраивать, что ее не следует ломать, ее можно видоизменять, но никак не уничтожать. Всякая долго существующая часть культуры есть необходимая составляющая социокультурного Целого. Еще раз напомним, что после Второй мировой войны японская аристократия лишилась всех своих привилегий и званий, но аристократы продолжали жить в своих домах и трудиться на своих постах. Они сыграли роль противовеса пошлости тотального консюмеризма, волной накрывшего страну после «экономического чуда» 1960-х гг. То же веком раньше происходило с самураями. Ликвидированные как сословие, они, тем не менее, стали локомотивом модернизации в эпоху Мэйдзи. Дисциплинированные и высокообразованные самураи заняли ведущие позиции не только в армии и флоте, но и в системе образования, медицины, науки и культуры, философии.

С самого начала капиталистического пути Японии ее выдающиеся деятели осознавали разрушительную опасность сугубо индивидуалистического, эгоистического тренда, характерного для западного мировоззрения со времен Гоббса, который рассматривал людей как независимых индивидуумов, движимых сугубо прагматическими интересами (Гоббс 1991). В Японии, наоборот, каждый человек традиционно чувствовал себя включенным в систему

сложных отношений, не только экономических, но и общечеловеческих связей. Для японских идеологов было очевидно, что разрушение этих традиционных связей, интегрирующих общество, чревато потерей национальной идентичности. Идти путем, предлагаемым Западом, было невозможно, но без учета западного опыта Япония подвергалась риску стать его колонией.

Принимая вызов западной капиталистической системы, Япония одновременно апеллировала к традиционным нравственным ценностям. Крупнейший банкир и бизнесмен Сибусава Эйити подчеркивал, что всякая коммерция должна иметь моральную основу (Сибусава Эйити 2007: 197–209). Фундаментом японского бизнеса как в начале XX в., так и в его конце была конфуцианская этика, этика ответственности бизнеса за благополучие всего государственного и общественного организма. Моральной опорой японских бизнесменов стало не просто правовое государство, ориентированное в своей социальной практике на закон, а именно конфуцианская этика, требующая от всех жить согласно понятиям человеколюбия, долга-ответственности, образованности, честности и вежливости.

Такая гуманистическая ориентация японского бизнеса возникла не на пустом месте: в предыдущие века выдающимися деятелями японской культуры были сформулированы кодексы чести самураев, крестьян и торговцев. В этих кодексах «высокие истины» и ценности буддизма, конфуцианства, даосизма и синтоизма были адаптированы к земной жизни этих социальных групп. В основном это касалось трудовой этики, но затрагивались также и сферы повседневных взаимоотношений людей в обществе (Карелова 2007). Моральные нормы разных групп населения могли не совпадать. Так, например, в отношении к деньгам у самураев и торговцев были прямо противоположные установки: презрение к деньгам и расточительность у первых, уважение к деньгам и бережливость – у вторых. Но относительно главных конфуцианских добродетелей, формирующих «виртуальный корсет» культурного человека, расхождений не было.

Однако сколь ни прочными кажутся веками отшлифованные формы японской традиционной культуры, и они в конце XX – начале XXI в. подвергаются эрозии из-за все более широкого

и глубокого процесса глобализации (Скворцова 2021). Глобализация с ее фактическим отрицанием этносов ведет к тотальной деструкции культуры, которая воплощает специфические черты человеческой деятельности, присущие конкретной общности людей (не только этнической, но и профессиональной, конфессиональной и др.). Такая тенденция, отражающая стремление к нивелированию культур, присуща сегодня всем странам, вступившим на путь постиндустриального развития. На практике провозглашается быстрое моральное устаревание всех предшествующих поколений, тем самым объявляются ненужными усилия учителей, направленные на передачу традиционных культурных навыков. Нельзя не согласиться с мнением таких японских ученых, как Сугияма-Лебра Такиэ и Хамагути Эсюн, которые предупреждают об опасности подобного разрыва связи между поколениями, ведущего к социокультурной атомизации и деградации, и апеллируют к ценностям традиционной культуры (Hamaguchi Eshun 1997; Sugiyama-Lebra 2004).

И тем не менее, пока Япония дает наглядный пример того, как можно осуществлять процесс модернизации, бережно сохраняя при этом нравственные основы национальной культуры; такой подход дает наилучший результат в деле создания и сохранения здорового, гармонично развивающегося общества. Сохранение духовно-нравственного стержня нации помогает Японии преодолевать кризисы и потрясения нашего времени. На ее примере наглядно видно подтверждение тезиса «без прошлого нет будущего». Это особенно важно понять сегодня идеологам России, когда страна после почти векового советского и постсоветского периода развития наконец осознала необходимость обращения к своим историческим корням и воспитания молодежи на положительных примерах собственной многовековой истории. Но, по нашему глубокому убеждению, без достижения и повсеместного распространения достаточно высокого срединного уровня культуры населения России вряд ли дальнейшее развитие нашего общества будет успешным.

Литература

Арутюнов, С. А. 2012. *Силуэты этничности на цивилизационном фоне*. М.: ИНФРА-М.

Бенедикт, Р. 2007. *Хризантема и меч: модели японской культуры*. СПб.: Наука.

Бердяев, Н. А.

1909. Философская истина и интеллигентская правда. *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*, с. 1–22. М.: Новое время. Горизонт.

1918. Духовные основы русского народа. *Народоправство* 23/24: 3–7.

1934. *Судьба человека в современном мире (К пониманию нашей эпохи)*. Париж: Утса-press.

2006. *Философия неравенства*. URL: <https://mybook.ru/author/nikolaj-aleksandrovich-berdyayev/filosofiya-neravenstva/>.

Гиббон, Э. 2008. *История упадка и разрушения Римской империи*. М.: Наука.

Григорьева, Т. П. 1986. Что же спасет мир? Заметки о современной японской литературе. *Литературное обозрение* 8. URL: <http://japanpoetry.ru/uploads/files/grirorieva.pdf>.

Гоббс, Т. 1991. Левиафан. В: Гоббс, Т., *Соч.*: в 2 т. Т. 2. М.: Мысль.

Ерасов, Б. С. 2002. *Цивилизации. Универсалии и самобытность*. М.: Наука.

Жукова, О. А. 2017. *Философия русской культуры. Метафизическая перспектива человека и истории*. М.: Согласие.

Зиновьев, А. А. 2008. *Исповедь отщепенца*. М.: Астрель.

Карелова, Л. Б. 2007. *У истоков японской трудовой этики. История в портретах*. М.: Вост. лит-ра.

Лунь юй. 1972. *Древнекитайская философия*: в 2 т. Т. 1. М.: Мысль.

Розанов, В. В. 2000. *Апокалипсис нашего времени*. Вып. 1–10. М.: Республика.

Сибусава Эйити. 2007. «Лунь юй» и счеты. В: Карелова, Л. Б., *У истоков японской трудовой этики. История в портретах*. М.: Вост. лит-ра.

Скворцова, Е. Л. 2021. К вопросу о влиянии глобализации на процессы духовного развития в Японии. *Вестник Института востоковедения РАН* 4(18): 67–74.

Скворцова, Е. Л., Луцкий, А. Л. 2018. О «христианском веке» в Японии. В: Скворцова, Е. Л., Луцкий, А. Л., *Пути японской культуры*. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив.

Струве, П. Б. 1909. Интеллигенция и революция. *Вехи. Сборник статей о русской интеллигенции*, с. 156–174. М.: Новое время. Горизонт.

Тойнби, А. Дж. 2011. *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад*. М.: АСТ: Астрель.

Boxer C. R. 1967. *The Christian Century in Japan 1549-1650*. Berkeley; Los Angeles; London: Berkeley University.

Hamaguchi Eshun. 1997. A Methodological Basis for Japanese Studies (with Regard to “Relatium” as its Foundation). *Nihon Review* 9: 41–63.

Sugiyama-Lebra, T. 2004. *The Japanese Self in Cultural Logic*. Honolulu: University of Hawai'i Press.